

The Institute of Ismaili Studies

Выступление Его Высочества Ага Хана на симпозиуме «Космополитическое общество, безопасность и права человека в многонациональных и мирных обществах» в Университете Эворы

Его Высочество Ага Хан
Эвора, Португалия
12 февраля 2006 года

Президент Сампайо,
Ректор Мануэль Патрисию,
Профессор Адриано Морейра,
Ваши Превосходительства,
Уважаемые гости,
Дамы и господа!

Большая честь быть приглашенным сегодня сюда, чтобы выступить перед столь уважаемой аудиторией на такую значительную тему. В названии симпозиума упомянуты общества одновременно и многонациональные и мирные – эта цель столь же важна, сколь и труднодостижима. Поскольку все наши усилия соединить стабильность с современностью, как кажется, постоянно терпят неудачу.

Ряд этих неудач проистекает из новых технологий, от интернет-блогов до биогенетики. Другие природного происхождения – от изменения характера погоды до мутации вирусов. В то время как третьи обусловлены социальными трансформациями - новыми формами семейной жизни и грандиозными людскими миграциями.

Ежедневно заголовки газет напоминают нам о растущей напряженности и о стрессах: гражданские беспорядки в таких зажиточных странах, как Франция и Австралия; тяжелое положение жертв урагана в Луизиане или жертв землетрясения в Кашмире; использование ядерной энергии; чувство бессилия в мире страданий в таких местах, как Дарфур.

Планета становится все более многолюдной, а ее ресурсы – все менее обильными. Увеличивается разрыв между богатыми и бедными. Повсеместно люди выражают протест против этих бед и зол. Но изменения, если они вообще проходят, мучительно медленны, и временами кажется, что мы соскальзываем назад.

Здесь я должен упомянуть также (новостные) заголовки прошедшей недели, которые указывают на расширение пропасти между исламским и западным обществами. В этом случае виновник – не военная акция или дипломатическая неудача, но сила медийных образов – глубоко оскорбительные карикатуры, – которые нанесли глубокую обиду одному миллиарду четвертемстам миллионам мусульман по всему миру – и мне в их числе.

Вопрос, которым я задавался – читая все эти заголовки – состоит в следующем: Почему политические и гражданские лидеры, равно в богатых и бедных странах, не в состоянии разработать соответствующее видение и проявить волю, чтобы противостоять таким вызовам более эффективно?

Что делает это ощущение тупика особенно тревожным, так это то, что оно так часто свидетельствует о провале демократии. Просвещенные люди на протяжении многих веков разделяли убеждение, что общество на самом деле вступает в борьбу со своими проблемами только тогда, когда оно становится демократическими. Большим препятствием для прогресса, как они утверждали, является то, что правительства прислушиваются к горстке избранных, а не к голосу большинства. По их мнению, если бы мы могли форсировать наступление демократии, то программа прогресса неизбежно заняла бы присущее ей место.

Но я не уверен, что подобный анализ работает и сейчас. За последние полвека мы наблюдали большие волны якобы демократических реформ – от угасания колониализма в середине века – до падения «железного занавеса». Но, несмотря на этот очевидный прогресс, результаты часто оказывались разочаровывающими.

Едва ли мне удастся сосчитать полностью или перечислить все те разнообразные правительства, с которыми я встретился за последние пять десятилетий, – от самых автократий до самых представительных. Часто более демократические правительства оказывались более эффективными и ответственными. Но это не всегда было так; а недавно я обнаружил, что так случается все реже. На самом деле, почти сорок процентов стран-членов ООН в настоящее время классифицируются как «несостоятельные демократии».

Демократия и прогресс не всегда идут рука об руку – и нарастающая угроза того, что «государство не состоится» часто может быть обозначена как «провал демократии».

Зачастую неудачи демократии проистекают из ее явной некомпетентности. Население просят голосовать по вопросам, которые ставят его в тупик. Кандидаты напускают туман вокруг своих собственных взглядов и представляют в искаженном виде позицию своих противников. Журналисты транслируют лишь поверхностную риторику и пренебрегают скрывающимися под ней реальностями. Людей назначают на работу, которую они не способны выполнить, но редко привлекают их к ответственности.

Коррупция для некоторых становится образом жизни. Между тем СМИ сообщают публике то, что публика желает знать, а не то, что ей следует знать. И слишком многие люди сегодня хотят не того, чтобы их информировали, а того, чтобы их развлекали.

Все эти сбои, срывы бывают как институциональными, так и персональными. Демократические системы лавируют между слишком большим количеством сдержек и противовесов – и слишком малым их числом. Парламентам, в частности, зачастую не хватает опыта и организационных структур, чтобы одолеть сложные проблемы; зачастую они оказываются слишком раздробленны на фракции или слишком угодливы и раболепны, для того чтобы выработать и поддержать согласованную точку зрения.

По всем этим причинам демократии часто принимают плохие решения. А когда демократии не эффективны, разочарованное население легко склонить в ином (от демократии) направлении.

Латинская Америка – вот то место, где считается, что демократия ширится в последние годы. Тем не менее, как указывается в Программе развития ООН, 55 процентов опрошенных в 18 странах Латинской Америки поддержат авторитарное правление, если оно принесет с собой экономический прогресс.

Проблема компетентной демократии, таким образом, является центральной для нашего времени. Справиться с этой проблемой – вот что должно стать одним из наших главных дел.

Задача демократического обновления значительно усугубляется и другим (фактором) роста, о котором также говорится в названии нашего симпозиума. Я имею в виду быструю пролиферацию, быстрый рост космополитического, многонационального народонаселения. Мир на самом деле становится все более плюралистическим – но духовно он за этим (ростом) не поспевает. «Космополитические» социальные модели все еще не соответствуют тому, что я назвал бы «космополитической этикой».

Народы перемешиваются друг с другом и живут бок о бок, вперемешку до такой степени, какой прежде нельзя было себе и вообразить. Волны миграции навсегда меняют ритмы, краски и пристрастия принявших их общин.

Около 150 миллионов легальных иммигрантов живут за пределами страны, где они родились; к ним присоединяются несчитанные миллионы людей, иммигрировавших нелегально.

Этот курс, эта тенденция будет продолжаться. Глобализация разорвала тесную связь между общиной и географией. Экономические возможности – как для богатых, так и для бедных – могут теперь находиться в далеких странах. Каждый год около 45 миллионов молодых людей выходят на рынок труда в развивающемся

мире – однако дома для всех не хватает работы. Между тем войны и гражданские конфликты добавляют своих беженцев к этой мешанине.

Иммиграция несет с собой как благо, так и проблемы. В настоящее время иммигранты дают две трети роста численности населения в 30 странах-членах ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития), где старение рабочей силы требует все новых молодых работников. Между тем денежные переводы, отправляемые иммигрантами домой, достигают около \$145 млрд. в год – и генерируют около \$300 млрд. в экономическую деятельность – больше, чем обеспечивается «иностранный помощью в целях развития» (FDI) и «прямыми иностранными инвестициями» (DFI).

В то же самое время иммигрантские общины могут оказаться причиной сильного давления на государственные и частные ресурсы. Проистекающая из этого конкуренция с более старыми резидентами, жителями, может вызвать недовольство и враждебность. Более половины респондентов в различных европейских опросах общественного мнения выражают негативное отношение к иммиграции. Так называемое «столкновение цивилизаций» является как локальной, так и глобальной угрозой.

Но так не должно быть. И так не было всегда, если углубляться в историю. Да - культурное столкновение было одним из главных мотивов человеческой истории. Так же, как и межкультурная кооперация.

Вы, эта страна и этот университет, знаете из собственной истории, как много веков назад исламская культура и христианская культура встретились в этой части мира – и сколь плодотворным для обеих традиций оказалось их взаимодействие. Сейчас самое время и место подчеркнуть многочисленные блага, которые проявляются, когда народы решаются прекратить озлобленно кричать друг на друга и вместо этого начинают слушать и учиться (друг у друга).

Межкультурное взаимодействие находится в центре внимания моей собственной деятельности уже почти 50 лет, с тех пор как я стал имамом мусульман шиитов исмаилитов. Этика ислама наводит мосты между верой и обществом, поэтому в мои обязанности как духовного лидера входит активная вовлеченность в проблемы благополучия общины.

Сами исмаилиты представляют собой культурно разнообразное сообщество. Они живут – составляя меньшинство – более чем в двадцати пяти странах, преимущественно в развивающемся мире, но и в Европе – в том числе в Португалии – и в Северной Америке. Этот многокультурный исмаилитский опыт находит свое отражение в подходах Сети Ага Хана по развитию – работать с широким кругом партнеров, чтобы помочь обездоленным, независимо от их происхождения. Мы рады, например, что наша работа в Португалии недавно была официально оформлена соглашениями о сотрудничестве с португальским правительством, и с Патриархатом Лиссабона.

Говоря о культурном многообразии, позвольте мне также упомянуть наше недавнее партнерство с правительством Канады при создании нового Глобального центра плюрализма в Оттаве. Этот Центр будет опираться и на опыт исмаилитов и на опыт самой Канады, где плюралистическое общество процветает и где, в отличие от большей части мирового мнения, 80 процентов общества приветствуют иммиграцию как положительное развитие.

Чествуя меня сегодня, вы чествуете традицию, которую я представляю, и тем самым вы возрождаете вдохновенную историю межкультурного притяжения и межкультурного уважения, взаимного доверия и взаимной поддержки.

Это подводит меня к главному для меня вопросу. Что можем мы сделать сейчас, чтобы взрастить здоровую и компетентную демократию в старых декорациях, там, где демократия выросла слабой, и в новом окружении, где ее только что насадили? Я бы внес три предложения, каждое из которых находит свое отражение в опыте этого университета.

Во-первых, мы должны укреплять наши гражданские институты. Это означает понимание того, что демократическое общество требует гораздо большего, чем демократическая политика. Правительства в одиночку не могут заставить демократию работать. Столь же важной представляется частная инициатива, в том числе, жизненно важна ее роль для тех институтов, которые в совокупности называются «гражданским обществом».

Под гражданским обществом я имею в виду ряд организаций, которые работают на частной, добровольческой основе, - но которыми движут общественные мотивации. Они включают в себя учреждения, занимающиеся образованием, культурой, наукой и исследованиями. Они включают в себя коммерческие, трудовые, профессиональные и этнические ассоциации, а также организации, работающие в сфере поддержания здоровья, защиты окружающей среды и лечения заболеваний. Религиозные институты имеют решающее значение для гражданского общества – так же, как и средства массовой информации.

Иногда, сосредоточившись на правительствах и политике, мы пренебрегаем важностью гражданских институтов. Я не предлагаю игнорировать политику, – но я предлагаю, чтобы мы мыслили шире наших политических пристрастий. Преуспевающий гражданский сектор является существенным для возобновления надежд на демократию.

Вторая опора демократии, которую я бы назвал, это образование – строгое, ответственное и актуальное образование. Нам следует улучшать работу по подготовке руководителей и по формированию институтов, которые могли бы соответствовать более жестким требованиям проверок на компетенцию и более высоким стандартам качества. Это означает выход за рамки представлений, что лучшее образование означает просто более широкое образование – более широкий

доступ к официальному обучению. Мы должны сочетать нашу заботу о количественной стороне с повышенной заботой о качестве. Являются ли учебные программы, которые мы ведем, актуальными для решения узловых проблем будущего? Или мы все еще продолжаем предоставлять образование двадцатого века лидерам двадцать первого века?

Наша система Университетов Ага Хана и Академий Ага Хана нацелена на эти вопросы, ведь они работают на продвижение концепции меритократии в развивающемся мире и на поддержание стандартов мирового класса, что будет скорее продвигать наших студентов, чем проявлять снисходительность к ним.

Слишком долго в некоторых наших школах слишком многие предметы преподавались как набор догматических представлений. Экономические взгляды, например, рассматривались как идеологический выбор, – а не как упражнение на решение научной задачи. Слишком часто образование делало наших студентов менее податливыми – уверенными вплоть до самоуверенности, что теперь у них на все есть ответы, – вместо того, чтобы делать их более восприимчивыми, более гибкими – смиренными в своей открытости на всю жизнь для новых вопросов и новых ответов.

Важной задачей качественного образования является вооружение каждого нового поколения всем необходимым для того, чтобы его участие в так называемом «большом диалоге» нашего времени было бы эффективным. Это означает, с одной стороны, не бояться расхождения во взглядах. Но это означает также и проявление чуткости по отношению иным к ценностям и взглядам.

Это возвращает меня к сегодняшним заголовкам. Ибо я хотел бы верить, что именно невежество объясняет публикацию этих карикатур, которые принесли столько боли исламским народам. Хочу отметить, что датский журнал, который породил эту полемику, признал в недавнем своем письме с извинениями, что он не знал, сколь болезненно чувствительной окажется затронутая тема.

В этом свете подобное разногласие, вероятно, можно рассматривать не как столкновение цивилизаций, а скорее как столкновение невежеств. Альтернативой этому объяснению будет то, что оскорбление нанесено преднамеренно, – в таком случае мы имеем уже дело со злом иного рода. Но даже если объяснять проблему невежеством, это ни в коей мере не минимизирует ее значимости. В плюралистическом мире последствия невежества могут оказаться на редкость разрушительными.

Возможно также, именно невежество позволило такому большому количеству участников этой полемики спутать свободу со (все)дозволенностью, – подразумевая под этим, что само отсутствие ограничителей, налагаемых на человеческие побуждения, способно конституировать достаточные моральные устои. Это говорится не для того, чтобы обязать правительства цензурировать оскорбительные или обидные высказывания. Не могут быть ответом также и

словесные выпады или насильственные действия. Я, однако, предлагаю рассматривать свободу слова как ценность не абсолютную, если только она не используется достойным, благородным образом. Я предлагаю считать, что в обязанности гражданина в любом обществе должна входить также обязанность подходить сознательно и ответственно к тому, что им говорится или выражается иным способом.

Если мы обязуемся стремиться к этому в отношениях со всеми, то тогда нынешний кризис может обернуться для нас удобным уроком, - удобным случаем для того, чтобы повысить свою информированность и расширить угол зрения.

Невежество, гордыня, нечуткость – все эти качества занимают видное место в ряду наших главных общих врагов в теперешнее время. И образовательная инициатива, в ее лучшем виде, может стать эффективным противоядием от них.

Теперь позвольте мне перейти к моему третьему предложению по укреплению демократии в плюралистическом мире – к возрождению непреложности моральных принципов.

Демократические процессы затрагивают, очевидно, разделение властей, увеличение числа тех, кто помогает формировать социальные решения. Однако это разделение – само по себе и вне каких-либо связей – мало что значит, не считая тех целей, для которых власть, в конечном счете, и используется.

Говорить о конечных целях, в свою очередь, значит вступать в область этики. Какова наша окончательная цель? Чьим интересам мы стремимся служить? Каким образом во все более циничное время мы сможем вдохновлять людей на новую систему устремлений – поверх безудержного материализма, поверх нового релятивизма, служащего самому себе индивидуализма и возрождающегося «трайбализма».

Поиски справедливости и безопасности, борьба за равенство возможностей, стремление к терпимости и гармонии, стремление к человеческому достоинству - вот те моральные императивы, которые мы должны выработать (в себе) и о которых должны думать ежедневно.

В области этического – как и в области педагогического – одним из главных камней преткновения является гордыня. Даже возрождение религиозного чувства, – которое должно было бы быть таким позитивным фактором, – может стать негативным фактором, если оно превращается в самоуверенность. Все великие религии мира предостерегают от этой крайности – хотя слишком многие, (выступающие) от имени этих же религий, поддаются искушению самим играть роль Бога – нежели признать свое смирение перед Божественным.

Центральным элементом в истинно религиозном мировоззрении является, как мне кажется, качество личного смирения – признание того, что как бы мы ни

стремились, мы никогда не дотянемся до наших идеалов; что, сколько бы высоких вершин мы ни покорили, высоко над нами всегда теснятся другие, еще более высокие, непокоренные, таинственные вершины. Это означает признание нашей тварной природы (сотворенности Богом) и, следовательно, пределов человеческому. В этом признании содержится, как мне кажется, наша лучшая защита от ложных пророчеств и сеющего рознь догматизма.

Глубокое внутреннее осознание духовных обязательств и этические границы (дозволенного), которые оно устанавливает, - станет центральным требованием, если мы собираемся искать путь через минные поля и зыбучие пески современной жизни. Укрепление религиозных институтов должно стать жизненно необходимой частью этого процесса. Разумеется, свобода религии имеет решающее значение в плюралистическом обществе. Однако если свобода религии вырождается в свободу от религии, - то общество обнаружит, что оно заблудилось в мрачном и безнадёжном ландшафте – без компаса, без дорожной карты и без малейшего представления о том, где же магистральное направление.

В целом, я призываю к этической чуткости, которая может стать общей, несмотря на идентификационные границы, и которая может помочь становлению универсальной, общей нравственной позиции.

Наконец, в заключение я просил бы вас задуматься вместе со мной об этих трех необходимых требованиях: новый упор на гражданские институты, большая непреклонность в заботе о качестве образования, возрождение приверженности этическим нормам. Для этого у нас имеются все способы, которыми можно поддерживать климат позитивного плюрализма в нашем мире – и этим помочь одолению нынешнего кризиса демократии.

Ибо только в таком климате мы можем видеть в наших различиях источник нашего обогащения, а не причину для разделения. И только в таком климате мы сможем увидеть в Ином не проклятие, не угрозу, но благоприятную возможность и благодать – будь то Иной по ту сторону улицы – или на другом конце света.

Последнее обновление: 22/04/2011 12:55